

Николаев Дмитрий

23.10.95

Новое радио из 1819 года...

Семь дней. - 1995 - 23-30 окт. - с. 34.
Размышления автора акустической драмы

Когда я сажусь в студии за режиссерский пульт, я каждый раз вспоминаю мистера Джеймса Холмана.

В 1819 году офицер британского королевского военно-морского флота мистер Холман потерял зрение и вышел в отставку. Но судьба калеки, доживающего свои дни в уютном домике, окруженном сиделками, была не для него. Мистер Джеймс отправился в кругосветное путешествие. Один – без поводырей и переводчиков (владея только английским) – он объехал земной шар. Вернувшись, Холман опубликовал три тома воспоминаний о путешествии. В этой удивительной книге можно найти описания соколиной охоты в Монголии, сибирских закатов, ритуалов южноамериканских индейцев, портовой жизни на Мадагаскаре и многое-многое другое. Мистер Джеймс описывает свое путешествие настолько красочно, что, читая, забываешь, что автор был лишен способности видеть.

Я уверен, что радиопьесу нельзя придумать или сконструировать. Ее обязательно надо "услышать". Конечно, сначала про себя, а не вслух.

И вот однажды я "услышал" историю о том, как возникает ненависть, как хорошие друзья, не желая "поступаться принципами", становятся лютыми врагами, начинают драку, затем перестрелку, затем глобальную войну, в которой гибнет и весь мир, и сами герои.

Ненависть стала темой моей первой "бессловесной" работы – видимо, что-то носилось в воздухе летом 1993 года, когда я сочинял "Песенку". По странному совпадению, в тот день, когда мы со звукоинженером Борисом Соколовым из ляга танковых гусениц и орудийной стрельбы монтировали звуковую картину войны для нашего спектакля, настоящие танки в полутора километрах от

нашей студии расстреливали Белый дом. Казалось, мы монтировали саму жизнь, а реальные события были всего лишь трагической иллюстрацией нашей иронической звуковой истории. Однако реальность вскоре напомнила о себе, она вторглась в нашу студию в облике милиционера, объявившего, что в целях безопасности все сотрудники должны покинуть помещение. Монтаж мы закончили на день позже, чем планировали.

В этом спектакле нет ни единого слова. Послушав готовую работу, я получил для себя главный ответ на многие вопросы. Да, выразительное движение звука способно передавать содержание без слов. И сюжет "Песенки" понимают как наши слушатели, так и слушатели тех четырнадцати стран, где этот спектакль был в эфире.

Но каждый ответ рождает море новых вопросов. Вопросы, вопросы, вопросы... Например: может ли звук представить не только жизнь вымышленных героев, но и ход самой Истории?

Я не знаю, почему для спектакля "Патефонная история" я выбрал время второй мировой войны. Иногда мне кажется, что не я выбираю эту тему, а, скорее, она выбирает меня. Я опять-таки "услышал", как взрыв опрокидывает играющий патефон. Скрежет илы по пластинке, затем – тишина. Оборвалась музыка, оборвалась чья-то жизнь. Этот звуковой образ и стал тем эмоциональным зерном, из которого вырос радиоспектакль.

Военные и предвоенные пленки и пластинки – советские, немецкие, итальянские, американские – звучали очень похоже. Лирические песни были одинаково наивны, чисты и трогательны, марши – бровурны и бодрь, голоса вождей – уверенны и воинственны, а объявления воздушной тревоги одинаково предвещали смерть и раз-

рушения как Ленинграду и Севастополю, так Берлину и Дрездену.

Пожалуй, для нас самым главным в этом документальном спектакле было "умереть", подобно тому, как режиссер умирает в актере. "Умереть" и дать возможность говорить самим документам, самой Истории. Мы использовали только материалы, записанные до 9 мая 1945-го. За одним исключением. Это исключение – голос Левитана. Удивительно, но ни в архивах радио, ни в Российском государственном архиве фонодокументов не сохранилось ни одной подлинной записи великого диктора военного времени. Все "документальные" записи Левитана заново сделаны в шестидесятые годы. Уж не знаю, по каким причинам так случилось, но, слушая "переписанные" сводки Совинформбюро, я вспоминал образы Джорджа Оруэлла, фантазия которого создала государство, постоянно перекраивающее свою историю по меркам сиюминутной политической конъюнктуры. Но отказаться от них я не мог – как же можно представить звуковую картину войны без голоса Левитана!

Спектакль "Патефонная история" транслировали в России, Германии и даже далекой Австралии. Однако самой дорогой для меня была оценка обыкновенного комбата – моего отца, прошедшего во время войны Белоруссию и Польшу. Он послушал и сказал три слова: "Да, это правда".

Это и был для меня ответ на вопрос: можно ли звуком писать историю. Однако ответов так мало, а вопросов океан... Но я помню, что храбрый британский путешественник пересек три океана, ориентируясь только на слух...

Дмитрий НИКОЛАЕВ.